

*Наталья
Стельмах*

**Темный
осенний
вечер
на
дворе**

Наталья Стельмах

Темный осенний вечер на дворе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55331627

Темный осенний вечер на дворе: ПРОБЕЛ-2000; Москва; 2010

ISBN 978-5-98604-232-9

Аннотация

О, если б мог народ и человек
Пройти свой путь меж Сциллой и Харибдой,
Свой смертный путь, свой тесный путь невиданный,
Не так, как предлагает этот век.
О, если б мог народ и человек
Избегнуть снова тлена и блуждания
И тесный путь служенья, долга, знания
Возобновить – туда, где дом, где Свет.
Рожденья путь и смерти – он един:
Сквозь тесноту, тяжёлую и злую.
Всё то, что было, больно памятуем.
Всё то, что будет, – знает Бог один.

Содержание

1. Март	6
«Я хотела посмотреть на купола...»	6
«Веточка, ты что меня задела...»	7
Перedelкино	8
«Я тревожить тебя не хочу...»	10
«Март посветил на еловые бревна...»	11
«Смятение, опять ко мне приходишь!..»	12
«Научи меня теплым слезам...»	13
«Отчего родник, ты сумрачный такой?..»	14
«Если б кто-то мог прислушаться...»	16
«Схожу я к этой птичке...»	17
«Я не знаю, куда лучше мне пойти...»	18
«Совсем уже час еловый...»	19
«Дается нам бесценный...»	20
«Пробует голос далекая птица...»	21
«Приукрасилась улица Маркса...»	22
«Станный лес березовый...»	23
«Мягкий снег, какой же мягкий снег...»	24
«Засыпало снегами...»	25
«Обижаются горько...»	27
«На зеленом заборе...»	28
«Падают ветки с елок весною...»	29
«Скрипела, как будто калитка...»	30

«Солнце вышло немножко...»	31
«Сердечком знает птица...»	32
«Счастливые слезы текут по щекам...»	33
«Пишу свою простую книгу...»	34
2. Темный осенний вечер на дворе...	35
Ели у обелиска	35
Тесный путь	37
«Солонка крепкого стекла...»	41
«Господи! Ты не даешь нам разлучаться!..»	42
«В Богородичный праздник пришла к Твоему аналою...»	43
«О, дай мне вырваться из пут...»	45
«Я перед всеми виновата...»	47
Распря	49
«Снег под окошком кружится...»	52
Фото	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Наталья Стельмах

Темный осенний вечер на дворе

© Стельмах Н., 2010

© МПО, 2010

© РИП, 2010

* * *

1. Март

«Я хотела посмотреть на купола...»

Я хотела посмотреть на купола,
Чтоб увидеть их на солнце яркий блеск,
И увидела, что их заволокла
Дымка так же, как поля, овраг, и лес.

В дымке светлой, как явление, как пар,
Как сияние проталин молодых,
Купола входили так неясно в март,
Словно не было совсем на месте их.

Растворившись напрочь в марте ледяном,
Золотистом, солнцеоком, голубом,
Словно так сказали:

«Нынче храм и дом —
Целый мир. Мы таем,
таем в мире том...»

«Веточка, ты что меня задела...»

Веточка, ты что меня задела
У дороги солнечно-большой?
Может быть, ты что сказать хотела?
Или так окликнула душой?

Как легко твое прикосновенье!
Я тебя за то благодарю.
Мне сегодня было сновиденье,
Что я помню, верю и люблю.

Переделкино

Эти края,
Оврагами разломанные,
Холмами мягкими
И тихими возвышенные,
Омыты-впрах-ручьями-водоемами,
Никем не брошенные,
Везде услышанные.
Здесь тропы хоженные,
Деревья виденные,
Поляны найденные,
Чащобы пройденные,
Ручьи испиты все,
Дома обыденные
Ни за какие здесь...
Ни за какие здесь —
Не будут проданы.
Здесь солнце старое
Все поднимается,
И каждый раз оно
Глядит как новое.
И старое, и новое —
Встречаются.
Уходят рядышком
В леса сосновые.
А там, как водится,

По марту трепетно.
И талый снег лежит
Да шишки валятся.
И не синицы
На ветках тренькают —
Душа душе кричит,
Душой пленяется.

«Я тревожить тебя не хочу...»

Я тревожить тебя не хочу.
Не лишусь моей милой свободы.
В этом мартовском храме погоды
Буду день разбирать по лучу —
Как по букве...

«Март посветил на еловые бревна...»

Март посветил на еловые бревна —
Золотом вспыхнули свежие срезы.
Вскрикнула жалобно зимняя дрема,
В яму залезла.

В полдень зардела, заискрилась склоном
Яма – так жарко и остро, как шпага.
Зимняя дрема ушла обречённо
Дальше к оврагу.

В тихом овраге речка струилась,
Воды летели, лед размывая.
Зимняя дрема в кустах притулилась,
Словно собака, смертельно больная.

«Смятение, опять ко мне приходишь!...»

Смятение, опять ко мне приходишь!
Куда уходишь? Прячешься зачем?
И где-то без конца и краю бродишь,
Чтобы, вернувшись, свой продолжить плен.

Смятение, ты зыбко и бездонно.
Но ты отхлынуло и можно вновь вздохнуть
И снова, виновато и влюбленно,
На мир взглянуть,

Где талый снег, и крепкая дорога
На склон легла, где ровный свет с утра.
И там, вверху, березы ждут от Бога
Весны, тепла и вас – колокола.

«Научи меня теплым слезам...»

Научи меня теплым слезам,
Как грядущим весенним дождям.
Ты прости – я не знаю причин.
Научи меня, март, научи!
Все причины мои разложи,
О глубокой нужде расскажи,
Покажи всю ущербность и жуть.
Я прошу тебя, март! Я прошу!
Я прислушаюсь к тихим словам,
Я прислушаюсь к громким словам.
Никому этих слов не отдам,
Никогда этих слов не продам.

«Отчего родник, ты сумрачный такой?..»

«Отчего родник, ты сумрачный такой?
Отчего твоя не светится вода?
Из-под ржавой бочки вялую струей
Вытекаешь ты. Откуда и куда?»

Я сказала и хотела помолчать.
С родниками ли беседовать в пути?
Но ответил он: «Ну что тебе сказать?
Подойди ко мне и руку опусти».

Подошла. Рукой коснулась до песка,
Что на дне его тихонечко дрожал.
И застыла в страшном холоде рука,
И заплакала, замаялась душа.

«Мочи нет! Пусти, родник – душа болит!
Отчего с тобой не мил и белый свет?
Что за злую хворь вода твоя хранит?
От кого несешь тяжелый сей привет?»

И вздохнул родник: «Я полон голосов...
Глубоко в земле я путь свой начинал,
Продирался по корням и по костям,

В тихих безднах разливался и гулял.

Все размыл-прошел: и глубь, и ширь, и даль —

Все оставило на мне свою печать...

Что же вынес я — чью боль и чью печаль —

Кто же знает? Кто же это может знать?»

«Если б кто-то мог прислушаться...»

Если б кто-то мог прислушаться —
До конца, до глубины —
Сколько б смутных стен разрушилось!
Сколько б прибыло вины.
За постройки эти дряхлые,
Стен великих миражи,
За постылое неряшество
Избалованной души...
Если б кто-то мог прислушаться
И не строить новых стен,
Не придумывать игрушечных
Мирозданий, зданий, тем,
Ожиданий услаждающих
И текущих, как вода,
Может быть, мои товарищи,
Мы и выжили б тогда...
А сейчас иду я по лесу
И гляжу на светлый лес.
До чего же слушать хочется!
И глядеть в глаза небес!

«Схожу я к этой птичке...»

Схожу я к этой птичке,
Пойду поговорю.
Куда иду? К синичке?
К большому снегирю?
Спустись ещё немножко,
Увидеть разреши,
Не бойся – я не кошка,
О жизни расскажи.
Мне нравится поляна,
Где песню ты поешь.
И лес, большой и пряный,
Он тоже здесь хорош.
Семян на ветках много,
Здесь можно клюв погреть,
За пазухой у Бога
На веточке сидеть.
Спустись ещё немножко,
Поближе посвисти.
Не бойся – я не кошка.
Не хочешь? Что ж – лети.

«Я не знаю, куда лучше мне пойти...»

«Я не знаю, куда лучше мне пойти,
По какому лучше двинуться пути.
То ли влево, то ли вправо повернуть.
Это – путь, и вправо – тоже вроде путь.
Здесь сияет светом солнечным просвет,
Там просвета вовсе не было и нет.
Здесь высокие, как помыслы, стволы,
Там широкие, слепящие холмы.
И глубокая, как море, тишина.
И бездумная, стоокая весна...»
– Да гуляй ты, не метайся, не спеши,
Звонкой тропкой честной мартовской души, —
Ангел марта так на это мне сказал.

«Совсем уже час еловый...»

Совсем уже час еловый...

Ни звуки не проникают,

Ни ветры не донимают.

Совсем уже час еловый...

Под лапами март возлегает,

Глядит, глядит – не моргает.

Совсем уже час еловый...

Прекрасно и безучастно,

Не редко стоят, не часто

Весной дерзновенно новой,

Всё знают, всё понимают,

Ток соков в ветвях умиряют.

Вздыхают.

«Дается нам бесценный...»

Дается нам бесценный,
Бесцельный мир общений.
Щекой холодной тронуть
Шершавый бок сосны.

Услышать треск в лощине
И где-то ровный щебет.
Рукой тропы коснуться
Дремучей стороны.

И солнечного диска
В полдневный час ненастный
Вместить зрачками столько,
Что свет померкнет весь.

И снова, между сосен
Увидев диск тот ясный
И красный, молвить только:
«Ты здесь?..

Я тоже здесь».

«Пробует голос далекая птица...»

Пробует голос далекая птица.
Словно звучит в тишине камертон.
Впору, наслушавшись, удавиться —
Так безысходен, несчастен так он.

Вскрикнет протяжно и снова замолкнет
Где-то в далеких-далеких кустах.
Бор над поляною смотрит все, смотрит.
Как хорошо в этих светлых местах!

Птица взлетает и прочь улетает.
Видеть не может – все дышит, растет.
Где ж покричать ей теперь – и не знает.
Да не горюй ты! – вновь осень придет.

А над поляной рекой изумрудной
Небом ненастным лес хвойный вставал.
Птица замолкла – ей больно, ей трудно.
Голоса светлого Бог ей не дал.

«Приукрасилась улица Маркса...»

Приукрасилась улица Маркса.
Снег заборы и крыши покрывл.
Мутноватые наледи марта
Снег засыпал, запорошил.

И припомнилось вдруг ей, что русской
В этом русском лесу рождена.
Затуманилась улица грустно —
Все равно ведь заметена.

Можно снегом сгорающим плакать
И оборванный вспомнить набат,
Все равно завтра солнце и слякоть,
И в оврагах ручьи загремят.

«Странный лес березовый...»

Странный лес березовый
С примесью осин.
Словно призрак двойственный,
С обликом косым.
Белым он не родственник.
Сизым он не сын.
Страшный лес березовый
С примесью осин.
Помоги мне, Господи,
Стать самой собой!
Может, к тому времени
Буду я седой.
Дети внуков вырастят
Рядышком со мной.
Помоги мне, Господи,
Стать самой собой!

«Мягкий снег, какой же мягкий снег...»

Мягкий снег, какой же мягкий снег
В этот час вокруг меня кружится!
Ничего дурного в мире нет,
Только мягкий снег на снег ложится.

Наполняет рощи и поля,
Залетает в хмурые чащобы.
Вдоль стремнин широкого ручья.
Наметает мягкие сугробы.

Теплой медью виснут купола.
Сквозь летящий снег их облик дальный
Проступает в этот мир венчальный,
И молчат, молчат колокола.

«Засыпало снегами...»

Засыпало снегами,
Словами да делами,
Листою да трухою,
Засыпало совсем.

И чувствую отсюда,
Из толщи, из-под спуда,
Как хорошо живется
Новорожденным всем!

И хочется вернуться,
Увидеть, оглянуться,
На жизни обозначить
Утерянное все.

Ту чашечку на блюде,
Где зайчики смеются,
Ту радость пробужденья,
Дыхание свое —

Меж сосен величавых
И речек беспечальных,
Желаний неумных
Любить всех и спасать.

То счастье от света,
Родней какого нету.
А где он? Чей? Откуда?
Мне лишь сейчас понять...

Засыпало снегами,
Словами да делами,
Листою да трухою
Мне душу, а не путь.

О, как поля сверкают!
Как в марте жизнь играет!
Как будто то возможно —
Стряхнуть все – и вздохнуть...

«Обижаются горько...»

Обижаются горько —
От убогости своей.
А иначе нет причины
Обижаться на людей.

Вот и я обижаюсь
От убогости своей.
И это тотчас понимаю,
Как только стану чуть сильнее.

«На зеленом заборе...»

На зеленом заборе,
С зелеными глазами,
Под зелеными елками
Хорошо сидеть
и засыпаться
пышным мартовским снегом...
Хорошо глядеть на улицу
С её ямами и пригорками,
На прохожих,
Которые говорят —
Какая у тебя пушистая шкура,
Какая у тебя усатая морда.
И засыпаться...
Засыпаться...
Засыпаться...
И заснуть.
И спать,
Слегка подсматривая одним глазком —
Таким зеленым —
На зеленом заборе,
Под зелеными, засыпанными снегом
Елками...

«Падают ветки с елок весною...»

Падают ветки с елок весною,
Падают с сосен. Сыпется хвоя.
Снег оседает. Пространство лесное
Чуждо и крика, и треска, и воя.
Солнце прикрылось, огнем не торопит.
Тропы поднялись, но держат, но служат.
Сколько следов здесь, глубоких и робких,
Кружит по снегу, по времени кружит...

«Скрипела, как будто калитка...»

Скрипела, как будто калитка,
В лесу молодая сосна.
И было в том месте тревожно.
Куда приглашала она?
И шорохи были напрасны,
И странно являлись следы,
Проваливаясь ужасно,
В том месте неясной беды...
И шел человек мне навстречу,
На чашу невнятно взглянул,
И сразу идти передумал,
К поляне просторной свернул.
Сосна же скрипела, скрипела...
Темнела, шипела, звала.
Я тоже наверх поглядела,
Я тоже туда не пошла.

«Солнце вышло немножко...»

Солнце вышло немножко,
Словно вздохнуло легко.
И, не захлопнув окошко,
Скрылось в своем Высоко.
Дескать, все в мире в порядке,
Паники нет никакой.
Снова вздохнуло украдкой,
Штор бледных сдвинуло складки —
И побрело на покой.

«Сердечком знает птица...»

Сердечком знает птица
Когда её кто слышит —
И сразу замолкает,
И слушает сидит.
Она ведь не для славы,
Не для того, кто слышит.
Ей каждый лишь мешает,
Кто ухо наострит.

Но это в день ненастный,
Когда светло и тихо,
Ни ветра нет, ни солнца,
И светит снег меж хвои.
А в солнечный, конечно,
Когда враз грянут птицы,
Им наплевать – кто слышит,
А кто уже глухой.

«Счастливые слезы текут по щекам...»

Счастливые слезы текут по щекам,
По мартовским бледным шумящим снегам.

Глаза ледяные стекают, блестят,
В осевших сугробах деревья стоят.

Откуда твой облик, такой неземной,
И чистый, и снежный, и ясный такой?

О, как ты стекаешь – так надо стекать.
Как ты умираешь – так всем умирать!

Прекрасная сойка шепнула другой:
– Здесь тихо. Здесь влажно. Здесь кто-то со мной —

На троне, на хвое всходящего дня...
Ты слышишь, ты слышишь, ты слышишь меня?!

«Пишу свою простую книгу...»

Пишу свою простую книгу,
Поскольку влага и покой
Туманом всходят из оврага,
А солнце всходит над горой.
Пишу свою простую книгу
И каждый день в леса хожу.
И стен высоких не воздвигну,
И кущ и рощ не заложу.
Но я хочу простую книгу
И не хочу никак алкать.
Пусть ничего я не воздвигну.
А будут ли её читать —
Мне то неважно. Важно благо
И полноводье светлых сил.
Их не вместит моя бумага,
Ещё никто их не вместил.

Их бесконечность – вот что важно.
Их добрый свет и торжество.
Да будет снег – простой и влажный,
Да будет таянье его.

2. Темный осенний вечер на дворе...

Ели у обелиска

Две свечи погибшим воинам
За Отечество свое.
Две зеленые, две хвойные
У окна в Небытие.
У окошечка, заросшего
Лебедой – полынь – травой,
Две высокие, хорошие
Над гранитной головой.
Над застывшею отвагою
Превратившейся в закат,
Хвойными свечами-стягами
Ели во поле шумят.
О любимых, неприкаянных,
Об упавших на ходу,
О застывших в позах каменных,
Вставших в эту лебеду.
И божу поют голодному,
Что упал здесь от вина,
Как светла была Народная

И Священная война.

Тесный путь

1.

В день Всех Святых фашист прорвал границы.
Упали бомбы на землю с небес.
На трупный запах полетели птицы —
В крестах СС в края КПСС.

В день Всех Святых поля покрылись кровью,
Взревели танки, вёрсты бороздя.
Сражался Брест, и бился тик над бровью
Сурового бессильного вождя.

В день Всех Святых, взывающих к отмщению,
Стал небосвод кровавым словно стяг.
По братским и чумным захороненьям
Ногой тяжелой шёл к столице враг.

И вся земля, от края и до края,
Затихла горько, ужас затая,
Лежала обездоленно-нагая,
И, что-то больно, трудно вспоминая,
Темнела от врага и воронья.

Не ведая, не зная, не взыскуя,
Солдат пошёл за землю воевать —
За Сталина, за мать свою родную,
Отца и деда, за отчизну-мать.

Соседа заслонил, сестру и брата,
За други свою душу положил.
За всех Святых, замученных когда-то,
Своею кровью щедро заплатил.

И в День Пасхальной праздничной седмицы
Пришла Победа. И весенним днём
Поднялись в небо и исчезли птицы.
И стало можно плакать и молиться
За всех сожжённых верой и огнём.

2.

В фильме Кончаловского бродит Одиссей
Посреди языческих, красочных затей,

Средь богов, являющих брезжащий обман,
Бороздит рокочущий, знойный океан.

О брега далёкие бьется впопыхах.
Нимфы златоокие любят персть и прах,

Облака летучие плавают вдали.
Во пески зыбучие входят корабли.

Битвы шум и нимфы вздох, волн чужих прибой.
Одноглазых тел подвох в небе над тобой.

И простор... такой простор, что исходит дух.
Над немою цепью гор чых-то перьев пух.

И Гефеста хитрый взгляд на закате дня
В грот, где жжёт героя грудь сонная броня.

Роза пойманных ветров, Посейдонов дар,
Всё развеет из того, что любил ты, Царь.

Огневого тартара жаркие ручки
Выжгут все излучины, все мечты твои.

И войдёшь, измученный, чтоб свой дом вернуть
В тесный – между Сциллою и Харибдой – путь.

3.

О, если б мог народ и человек
Пройти свой путь меж Сциллою и Харибдой,

Свой смертный путь, свой тесный путь невиданный,
Не так, как предлагает этот век.
О, если б мог народ и человек
Избегнуть снова плена и блужданья
И тесный путь служенья, долга, знанья
Возобновить – туда, где дом, где Свет.
Рожденья путь и смерти – он один:
Сквозь тесноту, тяжёлую и злую.
Всё то, что было, больно памятуем.
Всё то, что будет, – знает Бог один.

«Солонка крепкого стекла...»

Солонка крепкого стекла,
Зелёно-нежно-голубая,
Легко на краешке стола
Стояла, гранями играя.

Солонка крепкого стекла
Всегда исправно нам служила.
О, как её ты берегла!
В ней соль всегда имела силу.

Твой сын погибший – до войны
Тебе купил её в подарок.
Вот ободок. На нём видны
Лучи. Их свет всегда был ярок.

Солонка крепкого стекла
Теперь лампадкою мне стала.
Я в ней огонь свечой зажгла.
Молитву Богу прочитала.

Он знает всё про пот и кровь,
И лишних слов Ему не надо!
Жива, жива твоя любовь!
Горит, горит моя лампада.

«Господи! Ты не даешь нам разлучаться!..»

Господи! Ты не даешь нам разлучаться!
Нас так много – грубых, недостойных:
Этот мир – и тот. Нам не дознаться —
Кто свой путь прошел и как его исполнил.

Господи! Твоя любовь лишь нас подымет
На своих руках. Твои мы дети.
Оттого и любим эту землю.
Оттого и есть ещё на свете.

Господи! Ты не даешь нам разлучаться!
Этот мир – и тот – воздвиг нам в радость.
Оттого, что можем достучаться.
Домолиться до сестер, до братьев.

И подать, как Ты, кому-то руку,
Иль на чью-то нежность опереться,
Не взирая на печаль-разлуку,
Наполняя-исполняя сердце.

«В Богородичный праздник пришла к Твоему аналою...»

В Богородичный праздник пришла к Твоему аналою.
Из тяжелого мира, где жизнь свою всю прожила.
Твой Архангел с иконы прекрасно-крылатой рукою
Поддержал мою душу, иначе б иссякла душа.

В Богородичный праздник, не ведая, не понимая,
Что такое кругом и откуда такие слова,
Я стояла у входа, далекому хору внимая,
Всем дорогу давая и всех признавая права.

После службы вечерней со всеми прошла до иконы,
Поклонилась Тебе, по ступеням идущей в алтарь,
И священник седой на челе моем так непреклонно
И торжественно-бережно маленький крест начертал.

Приложилась к руке, отошла, и у самого края
Проходящей толпы – словно дуб, словно ствол сражена,
Я попала под ливень, под огненный столб, что сбегая
Водопадом сжигающим сердце достал из меня.

Очень слабое сердце. Ещё бы мгновенье – и в пепел
Сожжено оно было тем светлым и жестким огнем.
Только милостив Бог. Пламя стихло. На клиросе пели.

На простом аналое цветы у иконы белели,
И Захария снова встречал Её пред алтарем.

«О, дай мне вырваться из пут...»

О, дай мне вырваться из пут,
Всю пауки меня заткут,
Во хлад и сумерки ввергая.
Из глубины моих сетей
Я вижу контуры людей,
Не различая.

Густая сумрачность легла,
Глубоко в жизнь мою вошла,
Алчною сердце наполняя.
Не нахожу в себе луча —
Рублю с плеча, скорблю с плеча,
Не различая.

На дне души стоит любовь,
Но ищет ум и взор мой вновь
Себе привычной сладкой пищи —
Ущербности в людских делах,
Ущербности в людских телах —
С надеждой ищет.

О, дай мне вырваться из пут,
Всю пауки меня заткут
Алчною, сумрачной и липкой.
Дай видеть в лицах образ Твой,

Спаси желанной простотой,
Освободи меня – улыбкой...

«Я перед всеми виновата...»

Я перед всеми виновата,
Мой слабый ум горит огнем.
Он судит обо всем превратно,
Стоит на малом, на своем.

Своё неразвитое знание,
Считает важным и большим,
Своё неясное сознание
Вменяет в правило другим.

Я перед всеми виновата,
И мне все ближе и родней
Чужая женщина когда-то
Встречавшая нас у дверей

Успенского большого храма
В лазоревом раструбе дня,
Что попросила со слезами
Прощенья лично у меня,

Что говорила, обращаясь
Ко всем, идущим в храм гурьбой,
Рыдая, слезно надрываясь: —
«Перед тобой... и пред тобой —

Я перед всеми виновата,
Мой слабый ум горит огнем.
Он судит обо всем превратно,
Стоит на малом, на своем...

Я виновата, виновата,
Простите, видят небеса...»
И все смотрели воровато
И опускали вниз глаза.

Распря

1.

Брат на брата пошел,
Брат пред братом предстал непреклонно.
Бросил правду в лицо,
И ещё, и ещё, и ещё.
Тот ответил ему —
Тоже страстно и тоже законно.
Кровь ударила в голову —
Душно и горячо.

Сердце вспыхнуло враз
И обуглилось, как головешка,
Округлились глаза
И полезли глаза из глазниц:
«Кто там встал на пути,
На дороге пустынно-кромешной?
Пусть уйдет! Пусть уйдет навсегда!
Пусть повергнется ниц!

Я иду. Я хочу.
Я не стану терпеть этой встречи.
Я смету, растопчу,

Сокрушу... Я пройду без помех
Этот столб на пути...
Этот столб ещё будет перечить!
Оборву провода,
Рр-азобью об орбиты комет!»

Округлились глаза,
Потемнели от черного света.
Исказилось лицо,
Словно туго натянутый лук.
Слезы высохли все,
Ни единой – искрящейся – нету,
Ни единой, способной
Избавить от огненных мук.

И не слезы уже,
А глаза покатиться готовы,
И куда-то упасть,
И погаснуть в дорожной пыли.
Разодрало уста
Ядовитое, жаркое слово,
И остатки любви,
Словно Ангелы, вдаль отошли...

Подождите, подождите, подождите,
Не оставьте, хоть немножечко постоит,
Хоть оттуда, хоть бесплодно поглядите!
Вздохом тихо-сокровенным успокойте!

В этой выжженной, расколотой пустыне
Жалким деревцем, последнею росую
Обернитесь. Но прошу – побудьте с ними,
Хоть вдали. Хотя бы горькою мечтой.

3.

Прах и пепел... Все мы знаем – прах и пепел!
Всё рассыплется, свиеется, всё пройдет.
Пропоёт однажды, и другой раз, петел.
Солнце встанет – кто-то, плача, упадет.

И от совести, горящей словно факел,
В жарком ужасе куда-то побежит.
В горы дикие, в ущелье, в норы – всякий
Осознавший – не кино прошло, а жизнь.

«Снег под окошком кружится...»

В канун Дмитриевской родительской субботы

Снег под окошком кружится,
Твердою стала земля.
Снега колючие птицы
Пали на день ноября.

Тропы за час побелели,
Не до сиянья, слегка.
Травы под ними желтели,
Пуще темнела река.

Снега колючие птицы
Словно стояли над ней,
Воды хотели кружиться,
Рыбы ходили на дне.

День собирался холодный,
Словно набата удар.
Вольный, протяжный, свободный,
Сизую полнил даль.

Наши пути устилая,
Снег был доверчив и тих,
То погребальный играя,

То колыбельный мотив.

Снег был почти незаметен,
Был невесом и не скор,
Просто явился, отметил,
Чей-то напомнил укор.

Чью-то любовь и отвагу,
Чьё-то явил житие,
Слез безотрадную влагу,
Канувших в небытиё.

ФОТО

На фото – добродушные, родные,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.